

Тан Шэнь удивился:

— Ты даже знаешь выражение «свернуть знамёна и зачехлить барабаны»?

Яо Сань покраснел:

— Молодой хозяин, я вам столько всего рассказал, а вы только это и заметили?

Тан Шэнь с улыбкой спросил:

— Брат Яо, ты никогда не думал о том, чтобы начать учиться?

Яо Сань поспешно замахал руками:

— Нет-нет, что вы! Мне довольно и того, чтобы просто помогать молодому хозяину, большего и не надо.

Каждый месяц Тан Шэнь отправлял письма домой, в Гусу, чтобы поддерживать связь с семьёй. Время от времени он также просил Ван Чжэня передать какие-то вещи в Цзяннань на кораблях семейства Ван. Однако обо всём в письмах не напишешь.

Тан Хуан воодушевленно заговорила:

— Как только пришла весть, что брат занял второе место — стал Яюанем, в нашем доме началось настоящее столпотворение! Богатые купцы из Гусу, имевшие дела с Теремом Сися и Павильоном Чжэньбао, а также куча знакомых и незнакомых людей — все поспешили к нам с визитами. Даже новый глава управы Гусу пожаловал! — Она на секунду замолчала и добавила: — Впрочем, он уже давно искал повод засвидетельствовать тебе почтение, а твое звание Яюаня пришлось как нельзя кстати.

Тан Шэнь взглянул на Тан Хуан. Он не ожидал, что сестра понимает: новый глава управы Гусу пожаловал к ним вовсе не потому, что Тан Шэнь стал Яюанем, а из-за его связей с Фу Вэем и Ван Чжэнем.

Тан Хуан продолжила:

— После провинциального экзамена старший дядя устроил в управе Гусу пир на весь мир, который гремел семь дней и семь ночей! А уж когда пришла весть, что брат стал Таньхуа, тут и вовсе началось нечто невообразимое. Собрались родичи семьи Тан со всех уголков управы Гусу, и празднество затянулось на десять дней и десять ночей — угощался буквально весь город! Жаль только, что тебя самого там не было. Старшая тётя просила передать, чтобы ты выкроил время и приехал — нужно открыть семейный храм и совершить обряд поклонения предкам в твою честь.

«Будто в мою честь семейный храм ещё ни разу не открывали», — подумал Тан Шэнь, но вслух лишь ответил:

— Я понял.

Поговорив ещё немного, Тан Хуан вспомнила кое-что ещё. С загадочным видом она заговорщически подмигнула Тан Шэню:

— Кстати, брат, а ты помнишь, что случилось, когда мы уезжали из деревни Чжаоцзя?

Этот вопрос поставил Тан Шэня в тупик.

— Разве тогда что-то случилось? — Он задумался. — И что же?

— Ну же, вспомни!

— Мы забыли кому-то вернуть долг? Или кто-то остался должен нам?

— ...

— Неужели ты не помнишь, что обещал дедушка-староста, если ты сдашь экзамен на цзюйжэня?

Тан Шэня осенило:

— А! Неужели то самое?

Тётушка Яо с улыбкой вмешалась:

— Никакой деревни Чжаоцзя больше нет! Стоило вам стать Яюанем, как она превратилась в Деревню Танцзя!

Тан Шэнь не знал, смеяться ему или плакать.

Кто бы мог подумать, что давняя шутка обернётся правдой.

Впрочем, с переименованием деревни Чжаоцзя в Деревню Танцзя была связана забавная история. В своё время староста лишь вскользь обронил, что если Тан Шэнь сдаст экзамен на звание цзюйжэня, то деревню переименуют в Деревню Танцзя. Однако получить эту степень не так-то просто! Взять хотя бы старшего двоюродного брата Тан Шэня, Тан Юня — старшего сына Цзюйжэня Тана: тот до сих пор не мог получить даже степень сюояя!

Чего староста никак не ожидал, так это того, что всего через год с небольшим Тан Шэнь не просто выдержит испытание, а вернётся с почётным вторым местом — Яюанем!

Староста оказался в затруднительном положении.

Поменять название деревни — дело непростое, нужно подавать прошение в управу Гусу. К тому же из-за переименования многим семьям пришлось бы переписывать родословные книги. Отныне они звались бы не «такой-то из деревни Чжаоцзя», а «такой-то из Деревни Танцзя». Староста колебался, и пока он тянул время, наступил Новый год, а Тан Шэнь и вовсе вернулся в звании Таньхуа.

Тут уж все жители принялись наперебой торопить старосту. Тот и сам был рад и без лишних промедлений оформил все бумаги.

И какая разница, сколько с этим хлопот? Разве могут любые трудности сравниться с тем, что их Деревня Танцзя вырастила целого Таньхуа?

Слушая рассказы Тан Хуан и Тётушки Яо о том, что произошло дома за последние два года, Тан Шэнь почувствовал, как его сердце постепенно наполняется теплом. За два года в Шэнцзине он впервые ощутил домашний уют — будто вернулся в былые времена, проведённые в управе Гусу.

После ужина Тан Хуан и Тётушка Яо отправились отдыхать.

Тан Шэнь позвал Яо Саня к себе в кабинет и спросил:

— Когда планируешь отправляться на север?

Яо Сань ответил:

— Вообще-то следовало уехать раньше, но как раз должны были приехать моя матушка и барышня А-Хуан, поэтому я задержался. Выеду завтра на рассвете.

— Не стоит так спешить. Раз уж Тётушка Яо приехала, ты мог бы сначала провести с ней пару дней.

Яо Сань с горькой усмешкой ответил:

— Не смейтесь надо мной, молодой хозяин, вы ведь сами ждёте этого дела куда сильнее меня. Всё в порядке, я отправлюсь завтра утром.

Тан Шэнь улыбнулся.

Яо Сань уже собрался уходить, как вдруг его взгляд упал на раскрытую книгу на письменном столе Тан Шэня. Он с удивлением спросил:

— Ой, молодой хозяин, вы в последнее время упражняетесь... в начертании даосских талисманов?

— Талисманов?

Яо Сань подтвердил:

— Ну да. Что же ещё лежит у вас на столе, если не они?

Тан Шэнь проследил за его взглядом. Выражение его лица неуловимо изменилось, но он спокойно закрыл книгу и с улыбкой произнёс:

— А, да. Почитал тут несколько трактатов по даосизму, вот и решил немного попрактиковаться. Ладно, иди, проводи больше времени с Тётушкой Яо.

— Слушаюсь.

Когда Яо Сань ушёл, Тан Шэнь снова раскрыл книгу с «талисманами» и погрузился в созерцание.

Очутись Яо Сань в будущем и пройди он курс девятилетнего обязательного образования, он бы без труда понял: вся эта книга исписана вовсе не таинственными даосскими знаками, а обыкновенным китайским пиньинем!

Убрав тетрадь с пиньинем в тайник за книжным шкафом, Тан Шэнь задул свечу и вышел из кабинета.

Тан Хуан и Тётушка Яо только приехали в Шэнцзин и сгорали от любопытства к шумной столичной жизни. Тан Шэнь каждый день ходил на службу, поэтому у него не было времени показывать им город, и он поручил это дело Фэнби.

Прослужив полмесяца придворным летописцем, Тан Шэнь наконец приступил к непосредственному ведению записей о жизни императора.

В этот день на утренней аудиенции он уже не стоял вместе с Ли Шу по левую сторону от императорского трона, а в одиночку занял место по правую сторону. Как и во время бесчисленных ежедневных тренировок, Тан Шэнь вместе со всеми чиновниками совершил поклон императору, после чего сел и взялся за кисть.

Когда аудиенция завершилась, он вместе с Ли Шу направился в императорский кабинет. Пока император читал книги и просматривал доклады, летописцы тоже не бездельничали: они редактировали сделанные ранее записи, перепроверя каждую деталь, чтобы не допустить ошибок.

К концу дня, пусть даже исписать пришлось не так уж много бумаги, Тан Шэнь чувствовал себя предельно измотанным — спина у него взмокла от постоянного напряжения.

От начала и до самого конца Чжао Фу ни разу не взглянул на него, словно совершенно забыл о том, что когда-то во Дворце Цычэнь лично выбрал его в Таньхуа.

С наступлением ночи Чжао Фу удалился на Террасу Восхождения к Бессмертным, а Тан Шэнь и Ли Шу остались ждать у дверей.

Из уст других летописцев Тан Шэнь слышал, что Господин Ли отнюдь не отличался кротким нравом, хотя и невыносимым его назвать было нельзя. Однако во время их совместной работы он всегда был приветлив и благодушен к Тан Шэню. Тан Шэнь прекрасно понимал: всё дело в том, что он происходил из известной школы и имел за спиной надёжного покровителя. К другим Ли Шу не проявлял подобной заботы — даже к Чжуанъюаню Яо Шаню, который занимал равную с Ли Шу должность придворного летописца пятого ранга.

Оба стояли у Террасы Восхождения к Бессмертным. По расчётам, император должен был выйти не раньше чем через два часа.

Ли Шу с улыбкой спросил:

— Первый день на настоящей службе, господин Тан. Ну и как вам?

Тан Шэнь притворно вздохнул:

— Когда наблюдаешь со стороны, всё кажется простым, но стоит взяться самому — и сталкиваешься с тысячей трудностей. Уж на что жаловаться, но во время бесед Его Величества с министрами они говорят так быстро, что я едва успеваю за ними. А ведь ошибиться нельзя ни в едином иероглифе.

Ли Шу кивнул:

— Ваша правда. Даже если что-то упустите, позже мы сможем сверить наши записи и восполнить пробелы. Но вот если запишете неверно — это может стоить головы.

Они негромко переговаривались, пока сумерки постепенно сгущались вокруг.

Примерно через полчаса на дворцовой дорожке появился человек в тёмно-красном чиновничьем одеянии, который быстро шёл в их сторону. В лучах закатного солнца его лицо казалось чистым, как яшма, а глаза манили разрезом, напоминающим лепестки персика. Ли

Шу и Тан Шэнь невольно посмотрели на него. Мужчина резко повернул голову и пронзил их острым, как лезвие, взглядом.

Разглядев приближавшегося чиновника, Ли Шу мысленно взвыл: «Только не он!»

После чего поспешно опустил голову, стараясь больше не смотреть.

Тан Шэнь, однако, проводил его долгим взглядом. Заметив это, молодой чиновник слегка приподнял уголки губ в усмешке. Мгновение спустя он отвёл глаза, подошёл к дверям Террасы Восхождения к Бессмертным и что-то прошептал на ухо охранявшему вход послушнику. Тот сразу же скользнул внутрь здания и вскоре вернулся, отворив дверь и пропустив молодого чиновника внутрь.

Двери закрылись. Ли Шу с облегчением выдохнул и негромко пробормотал:

— Наконец-то эта напасть убралась с глаз долой.

Тан Шэнь поинтересовался:

— А кто это был?

<http://bllate.org/book/18292/1754531>